

Знакомые имена

Найти Чингиза Айтматова во Фрунзе не удалось. Его не было ни в Союзе кинематографистов Киргизии, который Чингиз Торекулович возглавляет, ни дома. И тогда вспомнилось название местечка, указанное в самом конце романа «И дольше века длится день» — Чолпон-Ата. Именно там, в маленьком курортном городке на берегу Иссык-Куля и удалось нам на следующий день встретить писателя.

— Чингиз Торекулович, видимо, не так-то просто сочетать писательский труд со служебными обязанностями, общественной работой?

— Трудно. Но приходится. А писательство, как известно, требует времени. Вот и приходится иногда «сбегать» от всех и от всего...

— Вы писатель современной темы, каким представляется вам наш современный мир?

— На мой взгляд, человек наших дней сильно изменился. Просто другие люди пошли. Грамотные, образованные, с высокими профессиональными навыками. Во многом наши современники превосходят своих предшественников — не удивляет умение водить трактор, автомобиль, легко обращаться с ЭВМ. Да и в нравственном отношении люди сегодня сложнее. Несмотря на изменение уклада жизни, изолированность квартир и, если так можно выразиться, индивидуализацию личности, не пропадает чувство общности, коллективизма. Хотелось бы, чтобы мы сумели сохранить и лучшие народные нравственные традиции: соучастие, взаимопомощь, выручку.

В конце зимы — начале весны этого года в Ошской области Киргизии прошел небывалый снегопад. Закрылись дороги, оказались отрезанными от остального мира некоторые сельские населенные пункты. Особенно трудно пришлось чабанам в горной местности. Знакомый секретарь райкома рассказал мне короткий эпизод из хроники борьбы людей со стихией. Он на своем газике с трудом пробивался к отаре, заваленной снегом в горах. Ехал и думал, как успокоить, ободрить людей, которые оказались в таких тяжелых условиях. Кое-как добравшись до места, он обнаружил, что положение действительно очень трудное: прекратилась подача электроэнергии, кончились дрова. Но никакой паники или озлобления он не увидел. Чабан и его семья трудились без отдыха — расчищали снег. А когда секретарь райкома заговорил с ними, то не он их, а чабан начал его успокаивать. Мол, не переживай, секретарь, мы все понимаем, сделаем все, что сможем. Снег и вправду большой, но если подумать, то это ведь большое благо упало с неба: хороший урожай будет.

— Эта история, конечно же, очень символична. В словах чабана проявилась черта, присущая лучшим нашим современникам — умение с достоинством преодолеть временные трудности, подняться над сиюминутными проблемами, взглянуть в будущее...

— Об этом же свидетельствует и моя почта. Я получаю очень много писем. С тех пор, как были опубликованы мои первые рассказы, прошло уже более 30 лет, и все это время мне пишут читатели. Конечно, большинство писем — отклики на мои литературные произведения, оценки, пожелания. Но есть и другие, не имеющие прямого отношения к литературе. Это письма-просьбы.

Так вот, я замечаю, что характер нелитературной почты постепенно изменяется. Письма-просьбы по-прежнему приходят, но наряду с ними появились у меня и такие корреспонденты, которые берутся за перо, чтобы поведать о своих опасениях за судьбы мира, оценить крупные

общественные проблемы. Например, с прошлой осени резко возросло количество писем, в которых читатели размышляют над путями предотвращения новой войны.

Люди стали намного информированнее. Случись, например, лет 100 назад совершить США разбойный захват маленькой Гренады, — об этом первыми узнали бы, наверное, жители близлежащих островов, да и то через несколько месяцев. А сегодня об этом позорном поступке мир узнал уже через считанные часы. И реакция на него у

жи. О чем с ними ведете диалог?

— О разном. Например, рекомендую уважительно относиться к старшим, к народным традициям.

Во время предвыборных встреч и бесед с избирателями я выслушал немало нареканий в адрес молодежи. Родители жаловались на своих же детей. Говорили, что пока дети при них, в отчем доме, они нравственно чище, добрее. Но стоит им, скажем, уехать куда-нибудь учиться, как после возвращения не узнаешь дочь или сына. У них уже другие взгляды, другое отношение к окружающим. Вдруг становятся равнодушными к дому своему, к его традициям и обычаям, к людям, их породившим.

По-моему, надо внимательно присмотреться к большому молодежному коллективу. Видимо,

назывался «Птица Доненбай». Но, когда он готовился к печати в «Новом мире», редактировавшая его Диана Вартковская Тевекелян обратила внимание на то, что название как бы ограничивает произведение национальными рамками. Я согласился. Стали искать вариант названия, понятный людям разных стран и народов. Так вспомнилась шекспировская строка в переводе Б. Пастернака «И дольше века длится день».

— Чингиз Торекулович, коль уж мы заговорили о вашей творческой лаборатории, скажите, долго ли вы работаете над произведением, приходилось ли вам переписывать?

— Я очень много черкаю, перепиываю и, конечно, перепиываю. Вообще люблю перепиывать. Особенно, когда вещь нравится. В таких случаях пе-

лать еще в X веке армянский монах Григор Нарекаци. Мне уже приходилось писать, что, когда я впервые читал его ставшую теперь знаменитой «Книгу скорби», Нарекаци потрясал своим немислимым максимализмом, нечеловеческой способностью подвергать себя безжалостному суду совести. Невольно возникала мысль: если тысячу лет назад люди могли так мыслить, страдать и возвышаться духом, мучительно пытаюсь постигнуть сущность человека, то не слишком ли мы, жители XX века, высококого мнения о собственных персонах?

И книга эта — вместо моего тела,

И слово это — вместо души моей...

Из Нарекаци взял я этот эпиграф для своего последнего романа.

Нравственный максимализм — вот позиция, с которой начинается великая литература.

— Сейчас много спорят о так называемой «производственной» литературе. Существуют самые разные точки зрения на сей счет. А какой вы придерживаетесь?

— Мне кажется, что любое настоящее литературное произведение так или иначе связано с человеком труда, с производственными отношениями. Это, однако, не значит, что специально о человеке на производстве писать не надо. Все зависит от того, как писать.

Отражать жизнь труженика — трудная, но исключительно гуманная задача. Западная литература отказалась от нее в угоду остроты, сиюминутности читательского интереса. Но мы сознательно беремся за это сложное проявление жизни, стараемся рассказать о нем как можно глубже. Ведь речь идет о той части общества, трудом которой создаются материальные богатства и которая составляет основу нашей социальной организации. Может быть, этой литературе не хватает философичности. Плохо, когда повесть, пьеса или фильм умирают вместе с исчезновением той проблемы, которая была поставлена во главу угла.

Иногда писатели забывают, что литература призвана исследовать личность героя, а не описывать ее. Герой может обладать многими положительными качествами, но при этом ничего не преодолевать, не проявлять силу личности. Надо ведь постоянно помнить об эволюции читательского восприятия. 40—50 лет назад читатель «заклигался» от романтического накала страстей. Современный читатель — аналитик. И литература должна, на мой взгляд, обращаться к исследовательскому повествованию, к постижению сложного.

— В самом конце прошлого года стало известно, что за выдающиеся заслуги в развитии современной литературы вы избраны действительным членом Европейской академии искусств и литературы. Чем занимается академия?

— Мне было приятно получить такое известие. Причем радует не столько признание меня как писателя, сколько признание роли советской литературы.

Члены академии время от времени собираются в различных европейских странах для обсуждения насущных проблем мирового культурного процесса. Надеюсь, что вместе с моими коллегами из социалистических стран буду помогать этой международной организации объективно оценивать сложные процессы современного мира.

Беседу вел
Зураб НАЛБАНДЯН.
Фото В. ЛЕОНОВА.

«И СЛОВО ЭТО — ВМЕСТО ДУШИ МОЕЙ...»

Беседа с Героем Социалистического Труда, лауреатом
Ленинской премии, писателем Чингизом Айтматовым

советских людей была совершенно естественной, точно соответствующей моральным критериям нашего общества. Вот вам еще одно доказательство нравственной зрелости наших современников.

Современная литература, искусство включают в себя почти все, что волнует человека — повседневность, духовное бытие, социальный мир. На первый план выходит необходимость осознания нашей собственной жизни. Именно мы сами, а не потомки наши, должны ответить, кто мы такие, что представляет собой человеческое общество.

Вообще это очень интересная система: писатель — читатель. Люди, отталкиваясь от произведений, поднимают новые проблемы, с которыми им приходится сталкиваться, дают им свою оценку. Писатель аккумулирует эти мнения, пропускает их через собственное сердце, и возникает новое произведение, как бы отвечающее мыслям читателей.

Мои зарубежные коллеги удивляются обилию получаемых писем. Удивляются они и тому, что люди пишут в газеты, другие организации. На Западе это просто не принято. Не знаю, почему. Может быть, человек не видит в этом проку? А я думаю, что письма для писателя — благо. Привык, не могу без них.

— Вы сказали, что получаете письма и от молодежи

там тоньше и эффективнее следует вести воспитательную работу.

Наше общество исключительно гуманно. Много делает оно для детей, для юношества, старается обеспечить их всем необходимым. Человек легко привыкает к благам. Образование, общедоступные, хорошие вещи уже воспринимаются как должное. И возникает вопрос: а что же сделал ты, молодой человек, чтобы все это появилось? Это не простая проблема. Думаю, что в большой степени ее решению будет способствовать принятая недавно школьная реформа.

— Как приходит идея нового произведения, сюжет?

— Всякий раз по-разному. Каждое новое произведение начинается по-новому. Как будто раньше никогда не держал в руках перо. Тут не помогут ни высокие титулы, ни премии. Может быть, поэтому каждое новое произведение возникает по-своему. Должно быть соблюдено только одно обязательное условие — прежде чем начать повесть или роман, я должен точно знать финал. Пока нет финала, не сажусь за стол.

— Так было и с последним романом о Едиге? Вы знали, что он закончится на космодроме?

— Да, знал. С самого начала.

— И название было решено в начале?

— Нет, с названием получилось сложнее. Первоначально оно было совсем другим. Роман

реписывание доставляет удовольствие.

Самое трудное — начало. Первая фраза, первые страницы. Топчусь часами, днями. Случалось даже месяцами.

Иногда говорят: была бы мысль интересная, а там пиши, как бог на душу положит. Это неверно. Возьмите, например, Маркеса. Конечно, он крупный современный писатель. Разве снискали бы такую мировую славу его «Сто лет одиночества», если бы были только глубокие мысли. А карнавальная стихия романа, а напор фразы, а единый порыв страсти, красок, образов! Это, естественно, не значит, что сегодня все должны писать, как Маркес. Не всякий прозаик может воспользоваться его находками. Механическое перенесение приемов желаемого эффекта не даст. Я, например, никогда так не писал и писать не буду. Я пишу в соответствии с моим образом мышления, моим видением человека, его психологии.

Время становится все сложнее, усложняется и человеческая психология. Писатель должен учитывать это в манере письма. Попутно замечу, что большая литература возникает, как правило, тогда, когда писатель старается осмыслить самые глобальные проблемы человеческого бытия, когда он подвергает нравственную основу своих героев максимальному испытанию. Так, как это умел де-